

УДК 32

Трансформация института власти в переходном обществе на этапе информационной революции

Тян Валентин Васильевич

Кандидат исторических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82-84;
e-mail: tian39@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема трансформаций института власти в переходном обществе. В современном мире «стопроцентных» традиционных обществ осталось не более десятка. Но есть много обществ, находящихся в переходной фазе. Начавшаяся трансформация общества в цивилизационном дискурсе привела к подъему политического процесса в позднесоветский период. В начале девяностых годов большинство членов КПСС повернулось к демократическому движению. В условиях плюрализма новые демократы проявили себя яркими политическими акторами. Войдя в институты власти, привнеся в них традиционные методы управления и определенные предубеждения в отношении западной демократии, они являлись тормозом перемен. Эти первые трансформации института власти все же были началом демократического транзита. Обновление законодательства с переходом на рыночные отношения, легитимация структуризации общества, регистрация политических партий давали новый импульс политического развития. Трансформация института власти носила необратимый характер. В последние годы происходит корректировка этой трансформации.

Для цитирования в научных исследованиях

Тян В.В. Трансформация института власти в переходном обществе на этапе информационной революции // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 2А. С. 65-74.

Ключевые слова

Власть, институт, информационная революция, переходный, политический, правовой, общество, трансформация, эволюция.

Введение

Проблема трансформации института власти в переходном обществе актуальна, и ее изучение становится практически значимой темой. Вообще, «проблема трансформации власти является ключевой для политической науки современной России» [Мокшин, Ипатова, 2006], – пишут В.К. Мокшин, Ю.Л. Ипатова. Далее они утверждают: «Анализ сущности и содержания властных механизмов целенаправленного управления процессами в обществе, нравственных установок главных субъектов управления и характера принимаемых ими управленческих решений является актуальной проблемой для российского общества» [там же].

Это утверждение убедительно, если учесть, что в современном мире «сто процентных» традиционных обществ осталось не более десятка. Но есть много обществ, находящихся в переходной фазе.

Актуализация проблемы предопределена воздействием на политический процесс информационной революции. Пересмотр некоторых аспектов проблемы, корректировка исследовательских планов и выводов с учетом этого фактора необходимы. Опираясь на вошедшие в научный оборот определения власти, выделим основные ее характеристики: власть – политический институт, функционирующий и взаимодействующий со всеми институтами общества. Поэтому власть оказывала влияние на развитие общества, являясь средоточием идей, стратегии развития и ресурсов для их реализации.

Начавшаяся трансформация российского общества в цивилизационном дискурсе привела к подъему политического процесса в позднесоветский период. В начале девяностых годов большинство членов КПСС после ее роспуска повернулось к демократическому движению по разным мотивам. В условиях плюрализма новые демократы проявили себя яркими политическими акторами. Войдя в институты власти, привнеся в них традиционные методы управления, со сложившимися старыми убеждениями и определенными предубеждениями в отношении к западной демократии, они являлись тормозом перемен, в значительной мере обедняя новый политический пейзаж.

Эти первые трансформации института власти все же были началом демократического транзита. Стремительная «эволюция государства как политического института общества» (В.Я. Любашиц) [Любашиц, 2004] ускорила этот транзит.

В российском варианте этого транзита – это обновление законодательства с переходом на рыночные отношения, легитимация структуризации общества, регистрация политических партий, которые давали новый импульс политического развития. Трансформация института власти носила необратимый характер. В последние годы происходит корректировка этой трансформации. Хотя деятельность института власти мало подвержена политической конъюнктуре (внешняя трансформация), но она оказалась склонна к внутренней трансформации.

К этим факторам надо присовокупить ментальность россиян, которая отчетливо проявилась в новых реалиях политической жизни общества.

Трансформация института власти в переходном обществе на этапе информационной революции: политико-правовой аспект

Трансформации института власти – сложный процесс в условиях постиндустриального общества. Социальная и, следовательно, политическая структуризация прямо и косвенно влияет

на трансформацию института власти. Оказывают существенное влияние политические традиции. По Д. Норту, современное общество характеризуют «институциональные изменения и функционирование» институтов» [Норт, 1997].

Эффективно повышение уровня институционального управления в практической плоскости (Д.А. Новиков [Новиков, 2004] и др.).

Институты власти традиционного и посттрадиционного общества иерархичны. Первичная трансформация предполагает снижение уровня иерархичности (оптимизацией, системой контроля и т.д.), что происходит с политическими институтами переходного общества. В первое десятилетие новой России шла в указанном направлении.

Трансформации института власти обусловлены многими объективными и субъективными факторами, но можно определить тенденцию даже при воздействии на политический процесс разных совокупностей факторов в разных ситуациях по степени консолидированности властной элиты. Политический эгоизм властной элиты известен.

После распада СССР все союзные республики стали независимыми государствами. И в них появилась «новая старая элита». Россия стала наследницей СССР. Сохранились политические традиции, носителями которых стал основной состав советской номенклатуры. Хотя институты новой власти на волне либерально-демократического движения были введены в демократический транзит, в целом, трансформации институтов власти происходят в фазе переходного общества. По многим параметрам это адаптивная трансформация института власти. Но в связи с частым изменением политической ситуации наблюдается пульсация процесса трансформации власти. Институт власти не поспевает за меняющимися условиями. Тем самым предопределен его быстрый моральный износ. Можно констатировать, что публичная власть в современном обществе – это ее открытость, диалогичность в условиях рыночных отношений. В девяностые годы впервые учрежденный институт президентства в утверждении рыночных отношений, проведения политических реформ и реформ в экономике сыграл важную роль. Но не каждый институт власти испытал несколько последовательных трансформаций. С начала 2000-х годов наблюдается разнонаправленная трансформация института власти. Демократизация общества – мировой тренд. Властная элита России имела смутное представление о демократии. Отметим, что построение развитого социализма не требовало частых трансформаций института власти, и они носили спонтанный характер. И это связано с рядом субъективных факторов (например, передача Крымской области УССР тогдашним руководителем страны, человеком импульсивным). Выдвижение на первые позиции из низов властной элиты акторов не могло кардинальным образом изменить институт власти, который оставался системообразующим в переходный период.

Родимые пятна института идеократии – корпоративность, соперничество, протекция оказывают влияние на трансформацию института власти, на ее характер.

Тренд трансформации института власти с 2000-х годов вполне определен. Выражен и вполне определен приоритет внутренней трансформации института власти. Это восстановление «вертикали» власти. Можно говорить о внутренней трансформации института власти на примере некоторой реорганизации в Совете Федерации ФС РФ. При этом определяется его цель – усиление взаимодействия власти и гражданского общества в принятии решений, чтобы избежать конфликта интересов.

Очевидно укрепление новой политической системы политической структуризацией. Оно было проведено для устранения некоего параллелизма в управлении.

Произошла сущностная политическая трансформация. Своего рода собрание губернаторов, он стал собранием представителей губернаторов и законодательных собраний субъектов.

Состоялась перераспределение полномочий между федеральным центром и субъектами Федерации, пересмотрена бюджетная политика и т.д. Внутренние трансформации в Совете Федерации свидетельствует об эволюции в направлении бюрократизации этого органа власти. Л.Ф. Шевцова обращает внимание на неопределенный характер процесса: «Смена Режима или Системы?» [Шевцова, 2004].

Теперь мы можем сказать, что это была смена режима. Сохраняя политическую систему, закрепленную в Конституции РФ, устанавливался фактически новый политический режим. В сложившейся партийной системе утверждается партия власти – партия «Единая Россия». Одновременно возникают затруднения с регистрацией новых партий («Республиканская», «Народно-демократический союз» и т.д.) и движений, могущих стать несистемной оппозицией. Неполучение ими правового статуса не позволяет вписаться в политический ландшафт, что обедняет политическую жизнь общества. Российское общество еще не миновало стадию перехода, и его фрустрация по интересам и по общности усиливается естественным образом. Но близость к Европе, приобщение к демократическим ценностям ускорили процесс социальной трансформации с российской спецификой. Но и европейские общества с классических времен вступали в состояние перехода и познали на практике смену типов общества и власти от тирании к демократии и «возвращение» к исходным точкам. Но это развитие идет не по кругу, а по «гегелевской» спирали. Современные общества вступают в переходную фазу в условиях невиданной в истории цивилизации информационной революции. Отсюда и затруднения в выборе ориентиров для «догоняющей» модернизации. Более того, на особенности трансформации института российской власти влияет ментальность россиян.

И еще одно обстоятельство: по многим наблюдениям, социальный лифт закрыт. Попасть во властную элиту способом делегирования пока нереалистично. Ретроспективный взгляд на взлет и падение российских политических систем вызывает определенные суждения. Самодержавная система отвергала несистемных лидеров, демократические лидеры Временного правительства не сумели наладить диалог с маргиналами-большевиками, советская система «прославилась» регулярной чисткой и закрытостью, обществу пришлось отказаться от этих систем. Нынешняя маргинализация несистемной оппозиции со стороны отдельных представителей властной элиты в перспективе может вызвать политическое напряжение в обществе.

Применение антропологического метода в исследовании проблемы российской власти способствовало открытию многих закономерностей ее эволюции. По типу мышления россияне ближе к европейским народам, чем к восточным (азиатским). Стихийное евразийство проявляется в политическом сознании и, особенно, в электоральном поведении. Наши выборы (день голосования) порой напоминают восточный базар, где кто более сметлив и проворен, тот выиграл. Трансформация института выборов в действенный институт по укреплению демократии пока не отвечает запросам общества. Следует отметить, что трансформация института выборов синхронизирована с трансформацией общества. Но процесс фрустрации общественного сознания на переходном этапе оказался фрагментарным, и с этой точки зрения стал позитивным для общества, для освобождения общественного сознания от стереотипов.

Поскольку политические институты переходного общества находятся в неустойчивом состоянии, то анонсирование «крутой» трансформации не имеет практического смысла. Ни одному обществу не удавалось достичь полной стадийности в малом или большом цикле развития во всех сферах, в том числе в экономике [Кондратьев, 2003].

Как видим, нашему обществу чужда политической толерантности. Еще не забыто, как в новой России ненадолго функционировали два института власти. При достаточной

разработанности этой темы остается на сегодня много вопросов, на которые не даны внятные ответы.

Сосуществование двух институтов власти в переходном обществе – насколько оно правомерно и политически оправдано во избежание конфликта?. Укажем на ряд сопутствующих вопросов по законодательной чистоте приватизации и т.д., по поводу которых столкнулись политические антагонисты.

Демократические преобразования девяностых воспринимаются по-разному, и научная дискуссия по ним не завершена, хотя были проведены новые реформы в логике прежних реформ, но с другим содержанием.

Трансформации институции власти после вертикализации власти (в двухтысячные годы) сущностны. Возникла некоторая двойственность института власти. Формально институты вполне обновленные, но контент смешанный, с большей или меньшей долей морально устаревшего содержания. Конечно, суждения о вариативности развития могут быть содержательны (И.Б. Орлов) [Орлов, 2009], но новые трансформации воспринимались как «возвратные».

Произошла субстанциональная эволюция власти, если посмотреть на кадровый состав институтов власти. Это вчерашние номенклатурщики. Симуляция обновления властной элиты – это эрозия института власти. Фактически основной состав прежнего госаппарата перешел в новые старые государственные учреждения. Следовательно, реальные политические трансформации при заданности нового вектора развития объективно неизбежны. Изменение содержания института власти возможно со сменой поколений.

Возможности трансформации власти в цивилизационном дискурсе ограничены от энергетики к синергетике институции в процессе ее эволюции. Обновление политической системы есть основная задача структурированного общества.

«Роль государства в запоздалом развитии. Чем позже государство включается в процесс развития, тем больше этот процесс нуждается в руководстве сверху, преимущественно со стороны государства или других институтов, которые централизованно конструируются самим государством. Хотя такие обобщения были сфокусированы на европейских процессах, этот вывод можно распространить и на весь мир.

К этой гипотезе необходимо добавить, что некоторые государства более чем другие способны к формированию стратегии развития. Поэтому структура государства является наиболее значимой для понимания того, почему государства запоздалого развития с сопоставимыми стартовыми условиями и ресурсами показывают разные результаты в мировой экономике» [Гайнутдинова, 2009, 82-83], – пишет Л.Д. Гайнутдинова. Например, у общества пока нет убедительного объяснения причин усиления силовых ведомств в системе исполнительной власти. Привлечение к уголовной ответственности ряда губернаторов, министров, известных деятелей науки и культуры (следствие закрытости, непрозрачности структур и слабости общественного контроля) имеет политический аспект. Электорат тревожит консерватизм отдельных избранных.

Оказывается, по завершении вертикализации власти ее институты формально встроены в новую систему, но содержание осталось прежним.

Фактически ничего не изменилось в функционировании политической системы. При серьезном ослаблении обратной связи конструктивные идеи и программы, предлагаемые институтами власти, воспринимаются как навязывание своего понимания задач общества. Если говорить о нормальной адаптации власти к общественной жизни, то надо говорить о политическом и социальном статусе управляющих и управляемых, нормализации

коммуникации (А.П. Новопашин) [Новопашин, 2004]. Власть не существует отдельно от общества. Субъект власти по-своему зависим от объекта власти. Эта зависимость влияет на трансформацию института власти.

По закону развития в пархильном обществе не может быть демократической власти, и только замена кодов традиционного общества на современные создает условия для утверждения современных институтов власти.

Политический антагонизм, возникший между двумя властными структурами, фактически приведший к «двоевластью» начала девяностых, омрачил становление демократической власти в России. Трансформации институтов власти в широком контексте эволюции демократии России обусловлены ее политической историей и традиционным укладом жизни общества.

Осознание политической поляризации как неизбежного процесса, происходящего в структурированном обществе, требует обратить внимание на особенности политического развития.

Достижение политической стабильности стало важным аргументом для обоснования успехов и оправдания неудач в политике власти.

Проверенные временем традиционные технологии упрочения власти в современных условиях устарели.

В любом случае, 2024 год будет рубежным: в стране утвердится надолго суверенная демократия, или будет практически осознанным демократический выбор России.

Эрозия власти в ряде республик Северного Кавказа по причине клановости, кумовства, коррупции заставила федеральные власти принять меры по нормализации обстановки в этих регионах. Совершенно очевидно, что не изжита традиция формирования родо-клановой элиты, и даже по принципу землячества или еще какой-либо общности. Восстановление демократического принципа формирования властной элиты – задача общества и власти. Публичность власти не позволяет ей функционировать без доверия, авторитета. По существу избавленные от общественного контроля, некоторые управленцы «своими художествами» готовы исказить, в прямом смысле, «образ власти» (Е.Б. Шестопал) [Шестопал, 1995].

Во власти нет особенных сторонников партии, пытающейся восстановить укрепленные позиции. Получается, что власть – это не порядок по общественному договору, не самоорганизация общества, а объект, без которого нет и субъекта власти. В российском обществе традиционалистские представления о власти. Лидер должен появиться «в верхах», что отвечает симфонизму власти и общества. Плебисцитная власть – альтернатива освященной сверху власти. Власть – это серьезная материя. И в российском политическом пространстве шоумены не могут быть первыми лицами государства. В конце восьмидесятых либерально-демократическое движение возглавил бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Б.Н. Ельцин. Правда, обращает на себя внимание необычно высокий рейтинг партии малоизвестного в то время В.Ф. Жириновского, но общество все же не выдвигало его на первые роли в российской политике.

В России успех «внезапных» политиков типа В.А. Зеленского пока невозможен, даже при высоком накале протестного настроения. Традиционалистское патерналистское общественное сознание, отягощенное осознанием высокой миссией страны, суровое бытие не позволяют видеть во главе нации жизнерадостного человека, находчивого, наделенного чувством легкого юмора. Такой человек не «вписывается» в «образ власти» (Е.Б. Шестопал) [там же].

Традиционалистское сознание обывателя устойчивое, закодированное. С прошлых веков не забыта идиома «придет барин, и все рассудит», как и ее замена на «отца народов на вас нет, он бы навел порядок». По регулярным замерам общественного мнения, проводимым «Левада-Центром», подвержены патернализму 20-30% граждан Российской Федерации. Этому

способствовала в значительной мере трансформация института власти – «вертикализация власти». Поступает три миллиона обращений (в большинстве своем по вопросам, решаемым самими заявителями) к «Прямой линии с Президентом».

От патерналистского сознания переход к политическому сознанию затруднен. Из этого следует самый общий вывод: эта часть общества – объект, а не субъект политики. И другой вывод: необходимо повышение ответственности власти за принимаемые решения.

Изменение ментальности общества происходит мизерными темпами. Фрустрации традиционалистского сознания мешает «витринная» пропаганда. Объективно политическая власть прочна своей легитимностью, потому сужать пространство демократии бесперспективно и вредно для налаживания диалога с развитыми акторами.

Как это вяжется с созданием суверенного интернета, то есть, «надежного» интернета, неясно. Локализация информационного пространства не добавляет суверенности стране. Но таково стремление элиты, понимаемое ею как благо для страны. Но в нем прослеживается политический эгоизм элиты.

Объективно общество склоняется к изоляционистскому тренду текущей политики: «Кругом враги, санкционное давление, надо изолироваться».

Следует отметить, что трансформация института власти происходит прежде всего субстанциональная. Очевидна мотивация власти по сохранению статус-кво. Это трудно осуществить даже при контроле власти над медиа и СМИ.

Следовательно, локализация информационного пространства имеет позитивное и негативное значение. Взятие под контроль заставит все общество по-новому посмотреть на функцию власти в современном обществе (А.В. Коротков, Б.В. Кристальный, И.Н. Курносов) [Коротков, Кристальный, Курносов, 2007].

«Надежный Рунет» будет создан. Когда-нибудь новые люди во власти выработают иное отношение к этому Рунету.

Можно обратить внимание на некую связь политической стабильности с «китаизированным» автономным интернетом в КНР. Формально в Китае действует плюралистическая политическая система, но присутствует доминирование компартии. Естественно, по праву и по личному вкладу в консолидировании общества Си Цзиньпин – бессрочный председатель, и утверждение его политической «династии» – реальность. Повторения событий на площади Тяньаньмэнь (1989) не предвидится. Китайский опыт по локализации интернета для многих политиков-государственников привлекателен.

Институт власти – ньюсмейкер в недавнем прошлом («ТАСС уполномочен заявить...») становится одним из ньюсмейкеров на третьей волне Информационной революции. Потеря монополии на информацию для власти равносильна потере ресурса власти. Происходит трансформация института власти как владельца информации в контролера над потребителями информации. Зная ретивость чиновников, можно предполагать скрытые риски. Если управлять информационным потоком будут менее эрудированные люди, чем эксперты, то темп модернизации общества замедлится. Необходима трансформация института власти в направлении к большей компетентности, т.е. большей ответственности.

Власть должна видеть зорче, видеть дальше, но насколько зорче и дальше – она не знает. Повлиять на электоральное поведение можно. Технологически это нетрудно. Труднее просчитать возможную реакцию на негативную информацию. Реакция электората США и России все-таки различная.

Простой электорат не знает, кто такой А. Вайно; многих министров, узнают после какого-нибудь ЧП. Присутствует очень низкий рейтинг в первом десятке политиков от первого лица.

Ограниченный диапазон трансформаций института власти обусловлен, в большой степени, ментальностью общества.

Заключение

Трансформации института власти сопряжены с движением общества в цивилизационном дискурсе. Они имеют политико-правовой аспект. Возложение на власть своего рода воспитательных функций увеличивает дистанцию между властью и обществом. Отношения между властью и обществом не могут отличаться постоянством. Нет ясности в том, что есть стабильность в обществе: результат деятельности власти или площадка для развития всех структур общества. Поскольку властные отношения – это этические отношения, то в информационном обществе обреченность симуляции в виду ее безнравственности неизбежна. Изменения власти, носящие институциональный характер, происходят под воздействием многих факторов. Сохранить власть – значит сойти с прежней точки, менять программы, переформатироваться, вникать в меняющееся настроение общества и находить новый язык общения. И все же необходим дискурс-диалог власти и общества для сохранения политической стабильности как условия для прорыва. У власти интеллектуального ресурса больше, и он может быть использован рационально и во благо всех россиян.

Библиография

1. Гайнутдинова Л.А. Государство и гражданское общество в эпоху модернизации: политическое измерение // Вестник Российского Университета Дружбы народов. Серия: Политология. 2009. №4. С. 80-90.
2. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2003. 768 с.
3. Коротков А.В., Кристальный Б.В., Курносков И.Н. Государственная политика Российской Федерации в области информатизации общества. М.: Трейн, 2007. 472 с.
4. Любашиц В.Я. Эволюция государства как политического института общества. Ростов-на-Дону, 2004. 288 с.
5. Мокшин В.К., Ипатов Ю.Л. Трансформация политической власти в современной России часть 1. Общие тенденции и региональные особенности // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2006. № 1(9). С. 59-67.
6. Новиков Д.А. Институциональное управление организационными системами. М., 2004. 68 с.
7. Новопашин А.П. Коммуникация и власть. Тюмень: Мандр и К, 2004. 136 с.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
9. Орлов И.Б. Политическая вариативность и страновая успешность // Политическая и партийная система современной России. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2009. 368 с.
10. Шевцова Л.Ф. Смена Режима или Системы? // Полис. 2004. №1. С. 46-50.
11. Шестопап Е.Б. Образ власти в России: желания и реальность (политико-психологический анализ) // Полис. 1995. № 3. С. 86-97.

Transformation of the institution of power in a transitional society at the stage of the information revolution

Valentin V. Tyan

PhD in History,
Associate Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 82-84, Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tian39@mail.ru

Valentin V. Tyan

Abstract

The political research presented in this article deals with the problem of transformation of the institution of power in a transitional society. In the modern world, state the author, there are no more than a dozen of “one hundred percent” traditional societies left. But there are many societies in the process of transition. The beginning of the transformation of society in civilization discourse led to the rise of the political process in the late Soviet period. In the early nineties, the majority of the members of the Communist Party of the Soviet Union turned to the democratic movement. Under the conditions of pluralism, the new democrats proved themselves to be vivid political actors. Entering the institutions of power, introducing traditional methods of government and certain prejudices against Western democracy, they were a brake on change. These first transformations of the institution of power in Russia were nevertheless the beginning of a democratic transition. Updating the legislation with the transition to market relations, the legitimization of the structuring of society, the registration of political parties gave a new impetus to political development. The transformation of the institution of power was irreversible. In recent years, there is an adjustment to this transformation.

For citation

Tyan V.V. (2019) Transformatsiya instituta vlasti v perekhodnom obshchestve na etape informatsionnoi revolyutsii [Transformation of the institution of power in a transitional society at the stage of the information revolution]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (2A), pp. 65-74.

Keywords

Power, institution, information revolution, transitional, political, legal, society, transformation, evolution.

References

1. Gainutdinova L.A. (2009) Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v epokhu modernizatsii: politicheskoe izmerenie [State and civil society in the era of modernization: the political dimension]. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhiby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Political Science], 4, pp. 80-90.
2. Kondrat'ev N.D. (2003) *Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya* [Large conjuncture cycles and prediction theory]. Moscow: Ekonomika Publ.
3. Korotkov A.V., Kristal'nyi B.V., Kurnosov I.N. (2007) *Gosudarstvennaya politika Rossiiskoi Federatsii v oblasti informatizatsii obshchestva* [State policy of the Russian Federation in the field of society informatization]. Moscow: Trein Publ.
4. Lyubashits V.Ya. (2004) *Evolutsiya gosudarstva kak politicheskogo instituta obshchestva* [The evolution of the state as a political institution of society]. Rostov-on-Don.
5. Mokshin V.K., Ipatova Yu.L. (2006) Transformatsiya politicheskoi vlasti v sovremennoi Rossii chast' 1. Obshchie tendentsii i regional'nye osobennosti [Transformation of political power in modern Russia, part 1. General trends and regional features]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»* [Bulletin of the Pomeranian University. Series: Humanities and Social Sciences], 1(9), pp. 59-67.
6. Novikov D.A. (2004) *Institutsional'noe upravlenie organizatsionnymi sistemami* [Institutional management of organizational systems]. Moscow.
7. Nort D. (1997) *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. Moscow: Nachala Publ.
8. Novopashin A.P. (2004) *Kommunikatsiya i vlast'* [Communication and power]. Tyumen: Mandr i K Publ.
9. Orlov I.B. (2009) Politicheskaya variativnost' i stranovaya uspekhnost' [Political variability and country success]. In: *Politicheskaya i partiinaya sistema sovremennoi Rossii. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Political and party system of modern Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Moscow.

10. Shestopal E.B. (1995) *Obraz vlasti v Rossii: zhelaniya i real'nost' (politiko-psikhologicheskii analiz)* [The image of power in Russia: desires and reality (political and psychological analysis)]. *Polis*, 3, pp. 86-97.
11. Shevtsova L.F. (2004) *Smena Rezhima ili Sistemy?* [Change Mode or System?]. *Polis*, 1, pp. 46-50.